

Михаил Сухотин

ВЕЛИКАНЫ

(героические рассказы)

Михаил Сухотин

ВЕЛИКАНЫ

(героические рассказы)

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ДАБЛУС

Михаил Сухотин
ВЕЛИКАНЫ
(героические рассказы)

Москва 1995
книгоиздательство
ДАБЛУС

Настоящая книга издана в количестве
500 экземпляров в Москве
для книгоиздательства Даблус
в 1995 году.

100 экземпляров пронумерованы
и подписаны автором.

N

Иллюстрации Л.Тишкова
Оформление И.Бурого

Издатели благодарят за помощь
Илью Ставиского, Дмитрия Полякова,
Владислава Кулакова, Виктора Легу, Юрия Альберта
и Марину Ефимову.

© М. Сухотин
© ДАБЛУС

ВЕЛИКАНЫ

НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

– Кто ползёт, ползёт, шишку съест и дальше ползёт?

– Маресьев.

(фольк.)

Если где-нибудь скитаясь по белу свету
Вы заметите по тянущемуся следу
пробирающихся охотников, отвечайте
на вопрос “Кто ползёт там большой зелёный
камни ест?” – “Это просто большой зелёный
камнеед”, и дальше себе ступайте.

Если в пихтовом бору нехватает шишек
а поодаль кто-то сыто и хвойно дышит,
не давайте никакого вообще ответа
кто бы выяснить причину не попытался
но напомните что так же вот начинался
скромный подвиг настоящего человека.

В обещенном районе под Старой Руссой
там где пухом земля а вода как с гуся
тем кто всматривался с бреющего полёта
в беспризорные небритые лица павших
человек тот копошащеюся букашкой
показался бы у горящего самолёта.

Будет холодно ему 18 суток
подражать поползновениями гадюкам
будут схватки с косолапыми по дороге
из которых как из предродовых родится
неподкупное желанье к своим пробиться
даже если там придётся оставить ноги.

Надо знать во-первых кто мы и для чего мы
человеческой звездой вперед ведомы
чтобы выучиться двигаться по-червячьи,
во-вторых кого ты любишь и с кем ты будешь
чтобы ясно показать мимохожим людям
что сближает настоящего с настоящим.

Скоро скальпель заблестит в операционной
над конечностями лётчика занесённый,
из сурово сомкнутых губ главмеда
под призывно ободряющий скрип протезов
прозвучит необходимое : “Надо резать”
и вослед ему решительное : “Гангрена”.

“Надо резать надо пить”, – как ущербный месяц
пролетая между туч второпях заметил
и как вторили ему колоски и травы :
“Надо правильно мечтать даже если поза
обезноженных героев склоняет ползать
в большей мере чем стоять высоко и прямо”.

Отвечал тут человек собравши силы :
“Вы не знаете ужей, Алексей Максимыч.
Пресмыкающиеся летают гораздо выше
гордых соколов взвешивающихся орлами.
Вот увидите – мы ещё летаем”.
Минул год. Действительно так и вышло.

ЗОЯ

Хоп-стоп, Зоя...

(фольк.)

На семидесятом километре зелёной зоны за лесопосадочным поясом, окружённым военцепью оборонительных укреплений с огнеточками за противотанковыми ежами, бьют врага неуловимые партизаны как однажды завещал им великий Ленин.

Продвигаясь перебежками оккупанты хоть и медленно но верно теряют кадры. Сякнет порох у фрица в пороховнице, керосином пахнет в центре и на местах там, так что справки навести о верховной ставке у языка они решили, как говорится.

“Хоп-стоп, Зоя! Ты кому отдавала стоя честь, беря под козырёк перед всей страной? Кто ещё с тобой работает из Генштаба и зачем вы заползаете под колёса бронетехники, под пенье “бандьера росса” трансформируясь в огонь наравне с гестапо?”

Отвечала Космодемьянская скрепя сердце :
“Потому что москвичи не боятся смерти а страна моя находится под защитой шестикрылых ВВС и престолов горних прилетающих на помощь живым и мёртвым с директивами спасительного синклита.

Подвергайте меня клевете и пыткам,
если надо, заливайте металлом жидким.
Всё равно я вам не выдам военной тайны
той которая по форме неповторима,
по составу единосущна и неделима
и невыразима по содержанию”.

Вслед за тем они подвесили деву к дереву
назидательный плакат ей надев на шею.
Только смотрят : на исходе седьмой недели
истончаясь преобразается облик девы
преображаясь окрыляется и на небо
поднимается в заоблачные пределы.

С той поры во дни раздумий, в часы сомнений
над губительными судьбами поколений
ты один нам утешительная поддержка,
о великий и могучий свободный русский
в плен попавший но не скурвившийся в кутузке
наш язык многострадальный в обличьи женском.

И, не будь тебя, к чему нам турецкий берег
африканские пески и шотландский вереск?
Как ни впасть тогда в отчаянье, умирая
на войне, как на войне, где солдат солдату
по-солдатски бросит в яму земли лопату,
если жизнь – это не жизнь без конца и края?

ТАНК

РЯДОВОЙ МАТРОСОВ ГЛАЗАМИ КОСМОНАВТА

*Степь да степь кругом,
путь далёк лежит...*

(фольк.)

Через тысячи лет через миллионы
тысячелетий вечность в свои законы
как бумажная нога в меховые сени
вступит к нам с ответом на все вопросы
и тогда над миром горите, звёзды,
сея свет во мраке пустой вселенной.

“Хочется домой,— говорит Гагарин.
Кто я — испытатель или татарин
что забуду скоро златую Эос?
Скучно мне за пультом, смотрю в окно я.
Что-то затянулось моё ночное
так что я на лучшее не надеюсь.

Пролетая во мгле вездесущей ночи
оставляя по курсу Нью-Йорк и Сочи
я такое однажды отсюда видел
что не то что пером описать но в сказке
будет нелегко предавать огласке
то чему я только случайный зритель.

Я услышал как в поле снаряды воют
и увидел как мчится по полю боя
раненный герой Александр Матросов.
Вслед ему кричат : “Рядовой, вернитесь!”
но упрямо несётся бесстрашный витязь
далеко от себя автомат отбросив.

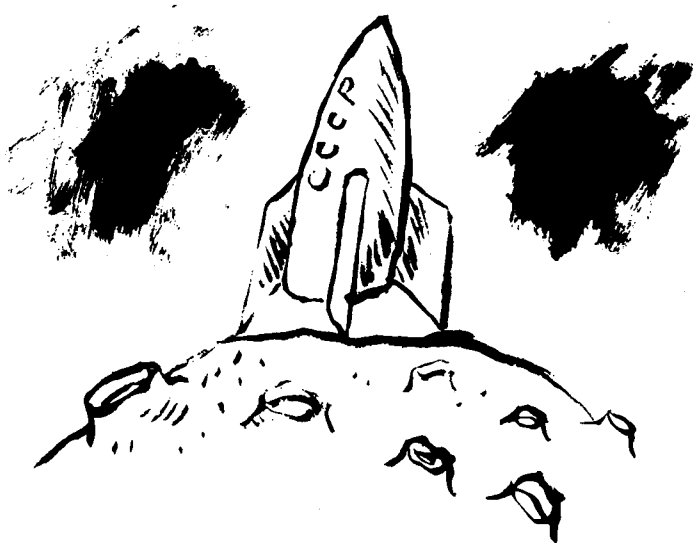
До сих пор не знаю я что и думать
доверять глазам своим или плюнуть...
Только он дорвался до амбразуры
и глаза возведя на мою ракету
закурил трофейную сигарету
и такое слово промолвил : “Юра,

высоко ты летаешь глядишь далече
посмотри как меня пулемёт калечит
ради жизни будущих поколений.
Если есть у тебя хоть стыда на каплю
не беги за гранатой не трогай саблю
но вращаясь по эллипсу во вселенной

сообщи ты на землю радиограмму :
умолчи про мою боевую травму
но скажи что в степи я замёрз и сгинул
что коней своих я батюшке завещаю
что поклон свой я матушке посвящаю
а у милой жены не прошу помина”.

Астронавигатор сидит за картой
передатчик его из угла Декарта
точкой дребезжащей в вечернем небе
посылает сообщения на геоид
где похоронили в себе героя
степь да степь да в степи за степями степи.

НАШИ
НА ЛУНЕ

РЕЧЬ ТОВАРИЩА СТАХАНОВА НА ВСРИР* СТАХАНОВЦЕВ

АЛЕКСЕЙ СТАХАНОВ

---

* Всесоюзное Собрание Рабочих и Работниц

“Мне, товарищи, прежде чем удалиться в Ирмино, хотелось бы поделиться тем как организовано было дело на участке “Никанор-Восток” на Донбассе где угледобыча в поточной массе не превышала указанного предела.

Ну, зарубив куток, я спустился в лаву, зёмник закатал по госпахтуставу. Начинаю снимать. На 8-ом уступе пласт пошёл такой что товарищ Машкин осветил это событие в многотиражке как “Стахановский поход за донецкий рубль”.

Но не сам я заслужил трудовую славу и награды мне присвоены не по праву : там в забое есть отверстие в подземелье. Дым оттуда валит и прах летучий : желчные французы подобно туче маленький редут под орех метелят.

Рядом шведы русских мурыжат, режут, барабанный там бой и зубовный скрежет – всё не слава Богу : снегирь военну песню не поёт, кочумает Тёркин в яме у костра, духота как в морге и суворовцы с Монблана скользят в геенну.

Половецкие куры Тьмутаракани
бьют рогами буй-туров и мнут ногами
там хазарская змея укусив Олега
подстрекает отступление из Кабула
и к груди Мальчиша приставляет дуло
буржуин непохожий на человека.

Ладно, ниже спускаюсь туда где руды
переходят в рубины и изумруды.
Там ушедшие по лядвея в жидкий гелий
рубятся, товарищи, два наркома.
Имя каждого нам всем хорошо знакомо :
Пламенный Серго и Железный Феликс.

Когда Пламенного Феликс одолевает
наши подразделения отступают,
учащаются эпидемии, мор и голод.
И наоборот : лишь Серго ша-рахнет,
сразу всё вокруг расцветёт запахнет
в небе голубом забелеет голубь.

В общем, в результате упал Железный.
Тут-то уголь и пошёл на-гора из бездны.
Таким образом прошу не считать меня рекордсменом
ибо, как учил Ильич, товарищи делегаты,
“электрон так же неисчерпаем как атом”.
(Бурные продолжительные аплодисменты).

УГОЛЬ

ТОРПЕДА МИРА

*Эх, дороги...
пыль да туман,
холода, тревоги
да степной бурьян...*

*Знать не можешь
доли своей,
может, крылья сложишь
посреди степей.*

*Вьётся пыль под сапогами
степями, полями,
а кругом бушует пламя,
да пули свистят.*

*Эх, дороги...
пыль да туман,
холода, тревоги
да степной бурьян...*

*Выстрел грянет,
ворон кружит
твой дружок в бурьяне
неживой лежит...*

*А дорога дальше мчится,
пылится, клубится,
а кругом земля дымится,
чужая земля.*

(Муз. Новикова, сл. Ошанина)

То не гора дышит не холм вздыхает
не вулкан там теплится-догорает :
это древнерусский разведчик-воин
дни свои кончает в глубокой коме
в уголку уложенный на соломе
вражескими каплями успокоен.

Вкруг него собираясь грохочут тучи
посылая на Штирлица дождь колючий,
молнии гуляют у изголовья
освещая на лице его две морщины
как бы две затаившиеся кручины
от которых наш воин лишён здоровья.

“Первая кручина моя такая, —
говорит он без запинки и не моргая, —
что война сотрясает оливу мира :
ведь недаром повсюду летят снаряды
и не зря, если надо, погранотряды
пресекают угрозу такого тира.

Потому-то жалея людей и кошек,
пресмыкающихся рыб и пернатых мошек,
к лесу передом, к агрессору задней частью,
век за веком глубину свою созерцая
здесь лежу не поворачивая лица я
к безнаказанным сеятелям несчастий.

А вторая такая моя кручина
всех скорбей и страданий моих причина
что сурок мой лежит неживой в бурьяне :
он шпионил со мной и служил исправно
но сложил свои крылья в бою неравном
палачам назначенный на закланье”.

Тут является призрак сурка над лесом,
он в озёра смотрится с интересом
освещаемый иссиня-лунным светом
он глядит на скользящие отраженья
возвышаясь над полем того сраженья
где в него попали из пистолета.

Напевает он Штирлицу : “Эх, дороги...
Не горюй, хозяин, я был у Бога
и достал у Него для тебя лекарство.
Поднимайся же на ноги майна-вира
заряжай разрывную торпеду мира
и врага проучи за его коварство.

Чтобы не было людям темно и страшно
ни за будущий день ни за день вчерашний
миром торпедируй армагеддонцев.
Правда будет за нами, рази в зеницу,
потому что от века права земляца
пыль туман и дорога под общим солнцем”.

ТОРПЕДА МИРА

“ВАРЯГ”

*Раскинулось море широко,
и волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далёко,
подалее от этой земли.*

*“Товарищ, я вахты не в силах стоять”,
сказал кочегар кочегару,
огни мои в топках совсем не горят,
в котлах не сдержат мне уж пару”.*

*“Ты вахтенной смены не можешь бросать,
механик тобой недоволен,
ты к доктору должен пойти и сказать,
лекарство он даст, если болен.”*

*На палубу вышел, - сознания уж нет,
в глазах у него помутилось,
увидел на миг ослепительный свет.
Упал. Сердце больше не билось...*

*К ногам привязали ему колосник,
рогожею труп обернули,
на палубу вышел священник-старик,
и слезы у многих блеснули.*

*Напрасно старушка ждёт сына домой,
ей скажут, она зарыдает...
А волны бегут от винта за кормой,
и след их вдали пропадает.*

(фольк.)

По местам, товарищи, всё спокойно!
Наступает последний, безалкогольный
хит-парад который всегда возможен
лишь в отдельно взятой стране под песни
понимающих смерть на рабочем месте
как сердечный удар и мороз по коже.

Над седой от страха равниной моря
ветер дождь собирая готовит горе.
Между тучами и пенистой той равниной
гордо реет во мгле знаменитый крейсер
каждый на котором привычно-весел
где пощады не требует ни единый.

Кочегар кочегару несёт напиток
опреснённой и выдержанной водицы
но несчастный не вынесет этой вахты
потому что морское безумство храбрых
у кочующих рыб застревает в жабрах
когда тонут русские акванавты.

“Я не в силах бороться с котельным паром, —
кочегар отвечает кочегару, —
и лопата — она меня доконала.
Словно в прорубь глядя в открытый кингстон
я не чувствую радостного единства
и не жду утешительного финала”.

Машинист говорит ему : “Стой на месте : мы должны торжествуя погибнуть вместе. Труд создал нас и воды теперь объяли, до костей и до сердца дошло волнение. Как назло попали твои сомненья невпопад с товарищами-друзьями”.

Тут из хлябей облачно-поднебесных на корабль спускается буревестник, птица предвещающая несчастья и в груди удерживая рыданья говорит она спорящим в назиданье не скрывая горестного участия :

“Тринадцать лет пролетят как в сказке и от Копенгагена до Аляски в новом свете появятся ваши мачты : затмевая на солнце протуберанцы над землёй летучие как голландцы поплывёте в будущее. Не плачьте!”

Только ветер уносит слова пророчеств да волна побережью готовит почеть да на пепелище лежит полушка – это в стороне, что собой огромна, тонет память, колоснику подобна, где напрасно сына ждала старушка.

« ВАРЯГ »

ДЕВУШКА ГАЙДАРА

*На позиции девушка
проводила бойца...*

*(автор муз. неизвестен,
сл. Исаковского)*

Кто там катится-пятится, свищет-рыщет,
тебе в глаз указательным пальцем тычет?
Ни Сергей ли Есенин за всё в ответе
проскакал на коне розовом в белом дыме?
Нет, это румяные но седые
в добровольцы записываются дети.

На позиции девушка приводила
сизого орла а потом садила
сидр из горла чтоб росла зигота
на передовой, чтоб с врагами вёлся
строгий разговор по системе Морзе
русского изобретателя пулемёта.

Кто там косит-уносит, взывает-лает,
едет-бредит, ни слова не понимает?
Уж не Чук и Гек ли, не Чжу Бацзе ли
гонят вепрей и оборотней на Запад?
Нет, распространяя военный запах
то Гайдар стремится к высокой цели.

Говорит он : “Оставьте детей в покое!
Что тут в самом деле у вас такое?
Почему нет Морозова? Где Орлёнок?
Что с Наташей Качуевской приключилось?
Как там Маша Порываева? Что случилось?
РВС опухает от похоронок.

Требую немедленных сатисфакций :

**а) над недоносками издеваться
прекратить, навсегда отменив аборты**

б) изъять из продажи презервативы

с) за лесбиянство лишать квартиры

д) за голубизну увольнять с работы

**е) вменить в обязанность одиноким
послужить в итоге на пользу многим
то есть если кто-то детей не хочет,
пусть идёт на войну, потому что : е-прим)
овдовели брошенные деревни
е-прим-прим) без пионеров, детей рабочих”.**

Отвечает истцу одинокий встречный :

“Жизнь мгновенна, а может быть, бесконечна.

**Но порою мне кажется что солдаты
не пришедшие домой из кровавой бани
над полями альбиносами-журавлями
всё плывут всё уносят меня куда-то.**

**А за ними из пасти орлиной власти
миллионы орлят выпускают шасси
и взмывают и пикируют и кружатся
где в шинели по этапу пути большого
Ваша девушка ушла не сказав ни слова
но подумала : “Плодитесь и размножайтесь!”**

САЛЮТ

ШАХТА-ШАХТА-ШАХТА

*Солнечный круг, небо вокруг —
это рисунок мальчишки.
Нарисовал он на листке
и подписал в уголке:*

*Пусть всегда будет солнце,
пусть всегда будет небо,
пусть всегда будет мама,
пусть всегда буду я.*

(муз. Островского, сл. Ошанина)

Где за правослово и главнодело
лучшие умы подлежат расстрелу,
в тайне тайн Герасимовки уральской
нету ничего то есть то что было
пущено растратчиками на мыло
впроголодь живут кулаки и пальцы.

Среди них был один молодой мизинец
он сломал себе ноготь и заразилась
кровь в руке народа на теле мира.
Вот тогда во избежание худшей доли
кулаки и решили убрать с ладони
отравителя космического эфира.

Папа бил Морозова головой об
пень – окаменело лицо героя,
став пня крепче, бросал его в центрифугу –
Павлик центрифугу опережает
набирает обороты и угрожает
гангрозолбняком поразить округу.

Наконец положившись во всём на правду
кулаки его бросили в шахту-шахту
лифта-лифта которая выше неба
ниже моря – такая она большая
и такая для человечества дорогая
что ни тормоза в ней ни прямка нету.

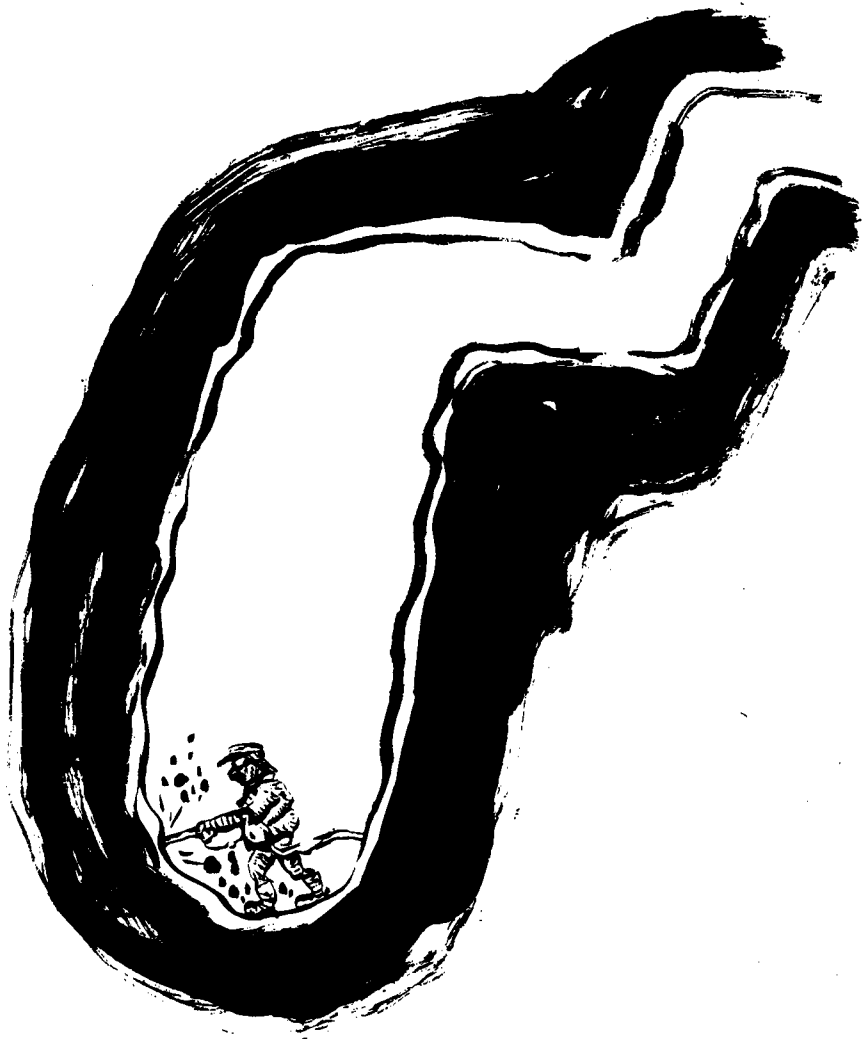
Только Павлик ампутированный но целый
сообщает из неё о судьбе вселенной :

“Вижу реки и моря, там гуляют волны
омывая недоступный простому глазу
плод старательной мечты человекомассы
+ электрификацию в свете молний.

Вижу горы и леса, в них орлы и совы
стерегут тот плод на выходе из утробы
чтоб ему до времени не родиться
чтоб уверенно прошли мировые роды
и грядущее не вышло из недр природы
без спасительно-хватательного мизинца.

Потому что, как поётся в старинной песне,
без меня не обойтись никому на свете.
Ведь недаром написал один рисовальщик :
“Пусть всегда будет солнце и небо тоже
пусть всегда будет мать (что вполне возможно)
пусть скорей возвращается Мальчик-с-Пальчик”.

Много вслед за тем на ночных допросах
кулаки задавали больных вопросов
но народ всё молчал да торчал как шпала.
Так для них его судьба и осталась тайной
что вошло в историю под названьем
“коллективное раскулачиванье Урала”.

ШАХТЕР
РУБИТ УГОЛЬ

ИЗОБРЕТЕНИЕ РАДИО ПОПОВЫМ

ПОПОВ И РАДИО

Когерер с усовершенствованной антенной
с той магнитно-электрической переменной
от которой разбегаются в поле мыши
изобретён был Поповым а не Маркони
там где в деревенском аккордеоне
ничего подозрительного не слышишь.

Часто падал герой на сырую землю
поверяя печали траве и кремню
сокрушался будущий наш учёный
и невольно к земле приныкая ухом
научился ловить утончённым слухом
голоса своей родины истощённой.

Так в сантиметровом диапазоне
слышит он однажды потусторонний
но знакомый и сладко-певучий голос.
Под его он баюканье засыпает
и во сне неожиданно понимает
для себя и для мира такую новость :

“Ничего что ты мал и не слишком статен.
Будущий великий изобретатель,
ты проснёшься утром в ином обличье :
дам тебе на память три головы я
утвердив их на столпообразной вые,
дам звериные ноги и крылья птичьи.

А ещё оставляю тебе впридачу
микросхему и радиопередатчик
чтобы голос твой плыл звуковой частицей
по морям-океанам скользя навагой
преисполненный мужества и отваги
чтобы реял он в небе перепелицей”.

Поднимался попович во весь аршин свой
удивлялся сиянию и единству
озирая окрестность шестью глазами
он дивился на могучие свои плечи
и по всей поднебесной такие речи
вёл симург различными голосами :

“Ангелы с иереями тихо служат
всюду их невидимо хоры кружат,
мученики величаются, и святые
славятся в заступничестве и в силе,
верные же исцеляющиеся ими
украшаются молитвенной благостыней.

Просвещайте слепых, принимайте сирот,
поминайте родителей на могилах,
подавайте подаяние на дорогах,
уврачёвывайте раны тому кто болен
и да будет каждый из вас спокоен
навсегда по отшествии своём к Богу”.

РАДИОЛАМПОЧКА
ПОПОВА

ОТЕЦ ЯБЛОК

*Некому березку заломати,
некому кудряву заломати,
люли-люли заломати...*

(фольк.)

Существует много тактик и аналитик
но, увь, не сосчитать уже всех количеств
совершившего круговорот в натуре
чудодейственного кофейного элексира
чьим раствором поливал черенки инжира
селекционер-рационализатор И.В.Мичурин.

Под заботливой рязанскою пятернёю
скоро вымахали травы сплошной стеною,
за стеной зонтикоцветные разметались
первомайскими салютами, за салютом —
нечто странное наподобие Абсолюта
замаячило, какие-то ёлы-палы.

В эти палы и особенно в эти ёлы
углубился наш мечтатель вечно-зелёный
но по мере постепенного приближенья
к центру сущего он нечаянно обнаружил
что кустами зарастает проход наружу,
растерялся и остался в краю растений.

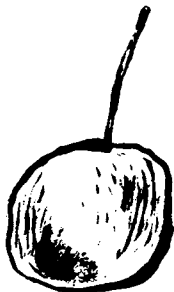
Те кусты были смородиной чёрно-красной
они смрад производили неся ужасный
всем урон кишечно-гнилостного расстройства.
И пошли тогда рубить топоры гибриды
чтоб взыскать с гибридизатора за обиды
строго личного и сугубо земного свойства.

Били-били они, рубили они рубили,
всё повырубали, всё они покосили —
нет Мичурина, хоть мать бы его поймать им —
нету матери, осталась одна берёза
над которой до сих пор ещё раздаётся
удаляющийся голос : “Держитесь, братья!

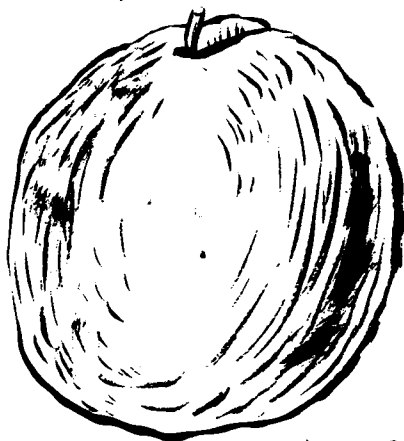
Слишком много Нин Андреевых накопилось
и у каждой ещё по одной родилось
Нине, возросли целевые фонды
сил реакции распространяющие влиянье
с южных гор до северного сиянья
где отчаянным светом горит природа.

Но особенно советую опасаться
на реакцию готовящихся реакций
со стороны оптимистически-депрессивных
представителей учреждений и предприятий
то и дело порывающихся ломать
мою яблочно-берёзовую осину”.

С этих пор его кудрявая плодоносит,
на Смородине-реке урожай приносит,
силой сказочного детства питая храбрых.
Гули-гули поют на ней “люли-люли”
а Иван Владимирович Мичурин
называется отцом молодильных яблок.

КИТАЙКА

БЕЛЬФЛЕР
ЖЕЛТЫЙ

БЕЛЬФЛЕР - КИТАЙКА
ГИБРИД И. В. МИЧУРИНА

ЗИГАНШИН-БУГИ

*Как на Тихом океане
плывёт баржа с чуваками,
чуваки не унывают,
Зиганшин буги-рок кидает.
Зиганшин-буги,
Зиганшин-рок,
Зиганшин съел второй сапог.*

(Фольк.)

Как на море Тихом на океане
крутит рок зиганшинцев в рог бараний,
без руля и ветрил уплывает баржа.
Звезд ночных полёт серебрист и светел
но в лицо задувает им снег и ветер,
мреют облака в похоронном марше.

Чуваки нимало не унывают,
под гармонь сапоги свои доедают
и, где можно, сосут пищевые части :
главное чтоб кости не выпирали
и душа чтобы двигалась по спирали
к основной причине большого счастья.

Сам Зиганшин кончается на скамейке
с нервно-мышечным заворотом брыжейки
с раненной кишкой и сквозным колитом
глядя как с костей убывает мякоть
он не смеет уже возражать и плакать
но товарищам шёпотом говорит он :

“Нам осталось одно – обозначить буги
кинуть рок и задуматься друг о друге :
пусть в Пари далёком Никита Феликсч
с новой силой преданье раскочегарит.
Зря мы что ли сфинктеры напрягали
и в груди подавляли земную немощь!”

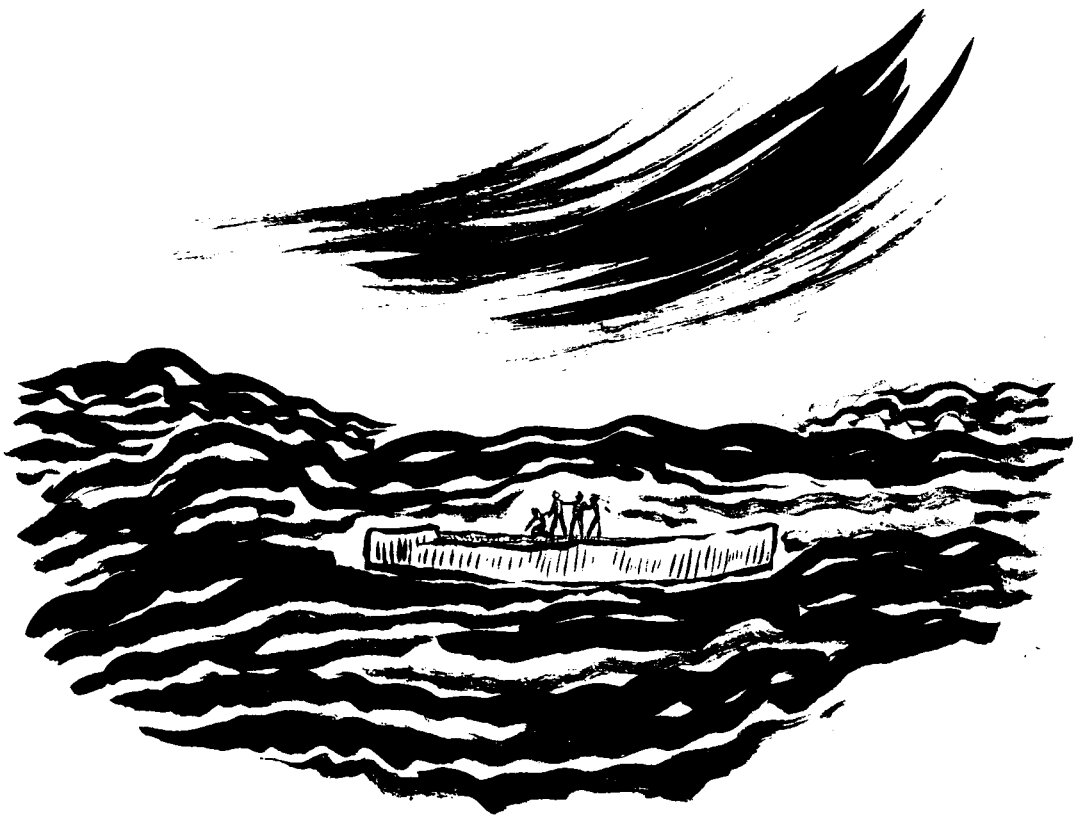
У стеклотетраэдра в Карусели
Бодрияра штудирует Алексеев.
По частям собирая большие мысли
он следит между псом и тамбовским волком
как кидают палки и трут морковки
тыщи симуляций постмодернизма.

“Где я? - думает он, - а, точнее, кто я?
Кто эти египетские герои
в смертном челноке над Дэни и Жанной?”
Но, преображённый внезапным светом,
он вдруг буги чувствует всем скелетом,
весть неся из открывшихся чакр и ганглий :

“SOS! На море Тихом на океане
крутит рок зиганшинцев в рог бараний.
Это значит – наши в морях японских
держат строгий пост до скончанья века
когда все порождения человека
выйдя из земли оживут из мертвых.

И пока я ходить, ей-же-ей, умею
и пока я дышу и пока говею
я всё буду вперёд и вперёд тянуться
вслед за буги-рокерами печали
до тех пор пока кости в тревожной дали
в новом теле вместе не собирутся”.

СЕЧЬ

*На Гималаях мы знаем совершаемое
Вами. Вы упразднили Церковь, ставшую
рассадником лжи и суеверий. Вы унич-
тожили мещанство, ставшее проводником
предрассудков. Вы подарили детям всю
мощь космоса. Вы открыли окна дворцов.*

(из "Послания махатм советскому народу", 1928 г.)

По морю, конечно, живут поморы,
горцы населяют холмы и горы,
землю – земляки, и овчарни – овцы.
Что же расположено за порогом
человеческих знаний? В соседстве с Богом
там живут тибетские запорожцы.

Существовая вне времени и пространства
без фамилии возраста и гражданства
чем же заняты богатыри-махатмы?
Тем и заняты они что на страже жизни
составляют телеграммы и пишут письма
главному кремлёвскому бодисатве :

“Мощь вселенной даря неразумным детям
ты живёшь среди звезд в ярко-красном свете.
Победивший мецан мановеньем брови
в кольцах Шепи путешествуешь как в пещере
и не помнишь о смерти, как полый череп
глядя в красную землю не помнит крови.

Здесь недалеко от великой Меру
проникая взглядом в такие сферы
где одни стихии и Высший Принцип,
мы охотно принимаем любые жертвы
кроме той что сейчас угрожает Церкви
стусеваться на нет под твоим мизинцем.

Берегись! Мы накажем тебя, неверный.
До тебя не доносится запах серный
но тебе от возмездия не укрыться :
мы велим тебя сечь на глазах у Лхамо
что и выполнит раненный Далай-лама,
а иначе якій же ты у чорта лицар?”

До утра-то Рерих сидит в Пенатах
в окружении множества экспонатов.
Ни звериный рёв ни вороньи крики
не тревожат его вдохновенной кисти :
в гималайском пейзаже впервые в жизни
он ваяет великого из великих.

Вот уже из-за облака солнце вышло
вот уже сапоги засияли пышно
чудо-трубка уже зажжена и в дыме
её чудится будущее планеты.
Сам Сосо поглядывает с портрета
и как будто живой говорит с живыми :

“Передайте сердечный привет Никите
а меня пожалейте и не секите :
я ведь маленькая девочка Цаган-Дара
я танцую и пою на партийном съезде
да ступнями поворачиваю на месте
пустотелую опору земного шара”.

СВОЕВРЕМЕННАЯ КНИГА

*Есть в Италии маленький дом,
он стоит на обрыве крутом.
В этом доме в двенадцать часов
старый негр отпирает засов.*

*Там за тенью проносится тень,
и скрипит под ногою ступень,
и молчит перепуганный мрак
от всегдашних скандалов и драк.*

*Из-за пары распущенных кос,
что пленили своей красотой,
перед шумной горячей толпой
с оборванцем подрался матрос.*

(фольк.)

Уж ни всем ли ты хорошим в себе обязан
этим книгам с пожелтевшим страничным мясом
вяло тухнувшим под сводами библиотек?
И не все ли фолианты в известном смысле
в неоплаченном долгу перед книгой жизни
очень нужной и своевременной между прочим?

Человек в ней – только буква на белом фоне
фиолетовая буква как вор в законе,
или нет, он как овца на полях весенних
где каракулей хвостатых живые руны,
концентрируясь в стада, создают лакуны
и пасутся в заголовках и нотабенах.

Во полях у этой книги струится речка.
В ней с волнами борются две овечки.
Эх, хоть йодом их намажь, две овечки карих
неразлучны ибо связаны общей кармой :
та что спереди плывёт – Анатолий Карпов,
за ним следует Каспаров по кличке Гарри.

Говорит Каспаров Карпову : “ К сожаленью
все дела уносит в своём стремленьи
времени река, иллюзорна майя
в прошлом бытии где ходил конём я
но, коллега, мы должны непременно вспомнить
кем мы были то рождаясь то умирая”.

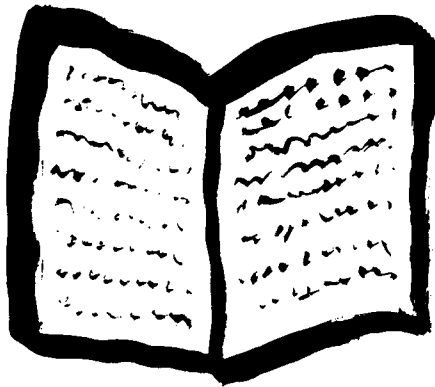
Молвит Карпов : “Далеко на крутом обрыве
есть в Италии дом где слонем ходил я.
Под ногой моей скрипела ступень, и воздух
изобиловал тенями давно ушедших.
Там мы с Вами состязались как в старых песнях
из-за пары распущенных коз ангорских.

И когда я побеждённый свалился навзничь
как положено в конце по закону шахмат,
Вы заметили что нечаянно одолели
брата младшего и задумались и рыдали
но напрасно : мои губы “Грена...” шептали
и просили передать в край родной, навеки

милый (где такой же найти хороший?)
что я честно представился за рабочих
и не только за рабочих : за утконосов
за колибри голосистых и рыбок нежных
для того чтоб хоть каким-нибудь сыном пешки
было что-нибудь написано по вопросу

прав животных то есть книга о младших братьях
по перу и резцу, чтоб свободу дать им.
Пусть её пролетарский парламентарий,
безотчётно уносимый времён рекою,
перед вечности жерлом не спеша с большою
пользой во всеуслышанье зачитает”.

НАКАЗ ЧАПАЯ

ЧАПАЕВЦЫ

Нутес нутес спой нам песню, весёлый ветер,
сквозь дырявые карманы про всё на свете
в щедрых видах благонадежного изобилья
живописуй как в бурливой реке Урале
Василь Иваныч с Петькой носки стирали
наподобье великанов больших и сильных.

Много там проводилось соревнований
по застиранности, много прошло собраний
по вопросу чапаевских ног и всё же
цвет воды через портянки его бегущей
неизменно был темней чем у всех живущих
потому что ведь и лет ему было больше.

Пятипалыми туда уходя корнями
где почиет от трудов Своих Ветхий Днями,
Василь Иваныч умывался и вот из персти
отделившейся от правой ноги Чапая
появилась доброта-красота земная
а из неё - добровольцы-красноармейцы.

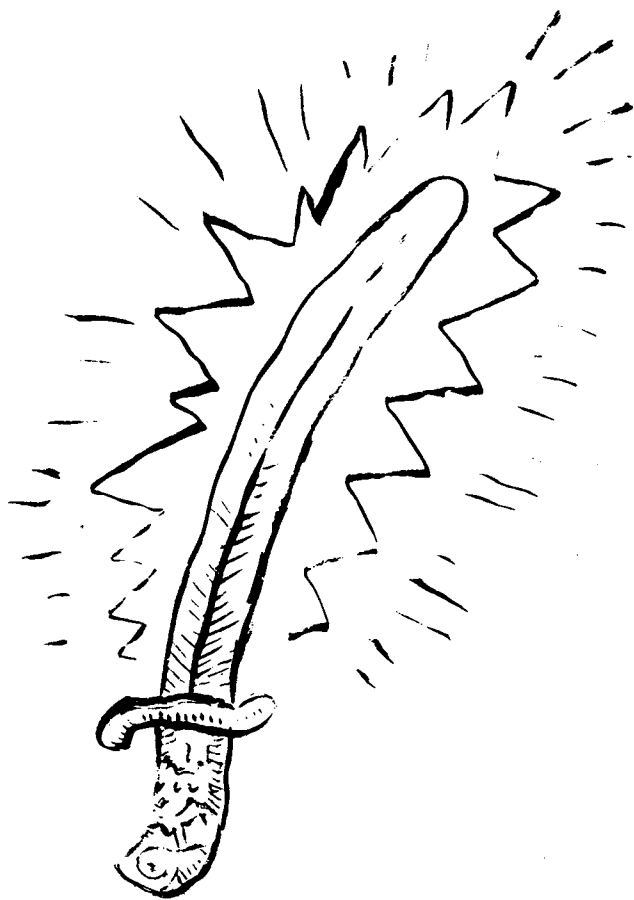
А из левой ноги выходил подлунный
белый свет разноречивый и многошумный
по которому окрысившись как собаки
побежали один за другим в папахах
портупях эполетах и аксельбантах
белочехи белофины белополяки...

Немилосердно Чапая они кусали
шаг за шагом в Урал его загоняли
так что скоро он от берега откачнулся
и доплыв до середины речной стремнины
устремился в голубеющие глубины
у ракушек вызывая родные чувства.

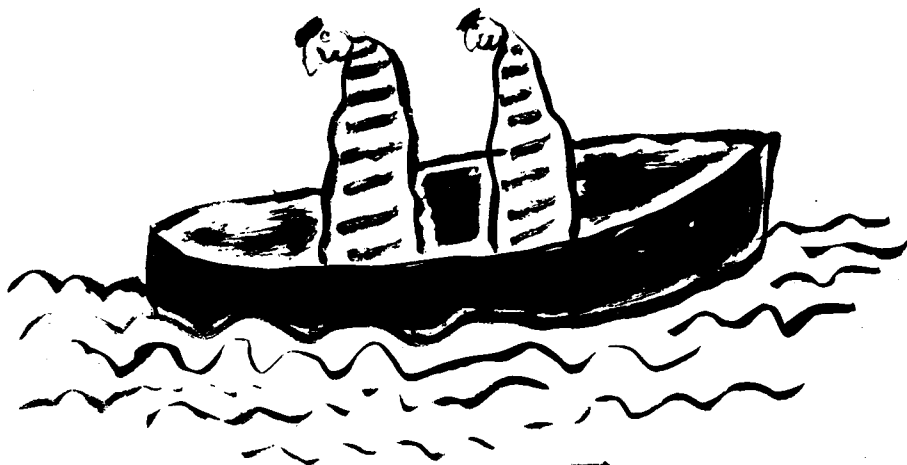
Но наказ его поднявшийся с пузырями
крепко-накрепко запомнили поселяне :
“Люди-братие, в пучине уральско-рейнской
город Китеж стоит, там в янтарной зале
клад лежит с неисчислимыми чудесами,
в нём – шкатулочка таинственная, и есть в ней

(пусть Вас это перечисление не смущает)
тот напёрсточек который в себя вмещает
строгий перст небезразличного отношенья
к свету с отсветом, к консерваториям и к консервам
ко грибам и к белым, требующий от смертных
хоть какого-нибудь выбора и решенья”.

Только вымолвил – и вот по фронтам и с флангов
показались полутанки-полутачанки
мягко стелющие всем кому спать нежѣтко :
о шести сапогах и о трёх наганах
это едут убаюкивать атаманов
Петька Анка-пулемѣтчица и Котовский.

САБЛЯ ЧАПАЕВА

*С одесского кичмана сорвались два уркана,
сорвались два уркана на заре.
У княжеской малины они остановились,
они остановились отдохнуть.*

*Товарищ, товарищ, болят мои раны
болят мои раны на боке :
одна нарывает другая заживает
а третья открылась в глубоке.*

*Товарищ, товарищ, товарищ малохолный
за что ж мы проливали нашу кровь?
За крашенные губки, коленки ниже юбки,
за эту распроклятую любовь.*

*Товарищ, товарищ, скажи моей ты маме
что сын её погибнул на посте
с винтовкою в рукою да с шашкою в другою
с улыбкою весёлой на усте.*

Покидая украинцев и грузинов
по волне гонимые баргузином
два уркана едут туда где жарко.
Исчезает из глаз черноморский берег
ветер треплет на вёслах Олега Ери,
на корме – его сокамерник Пётр Арка.

Говорит Олег : “Товарищ, взгляни на раны :
все-то я вокруг исходил кичманы
но нигде не встретил Небесной Дамы
по которой на боку моём нарывает,
в глубине же не только не заживает
но кусается память Одессы-мамы.

Жил я под землёй, загорал на небе,
восходил на самый высокий гребень,
было мне, товарищ, куда как больно...
Много я в скитаниях крови пролил
много пережил но теперь я понял
то что говорю тебе, малохольный :

В этом государстве военной славы
где радиактивны цветы и травы
женщин нет : одни КПЗ и зоны.
Ждет меня голубка у двери Рая
да из пулемета летит вторая :
не прорваться видно через кардоны”.

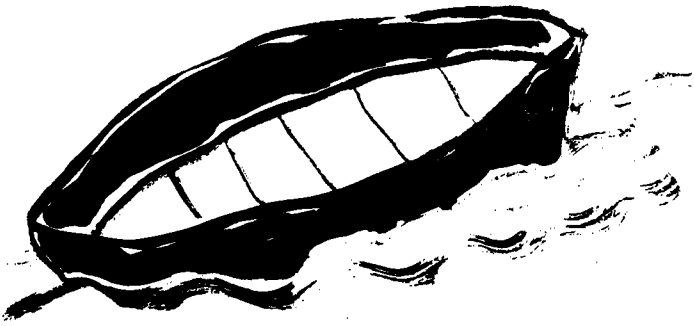
Петр ему : “Олег, нагибайся ниже :
пулю к пуле по ветру убийство нижеет.
Невредимым – вряд ли, остаться б целым.
Если не любовь – назови мне это :
что меня колотит в разгаре лета
у руля сидящего под прицелом?”

Тут является им из морской пучины
сам Садко и тихо поёт : “Мужчины,
небольшая разница – турки, Русь ли...
Всё равно не повесят того кто тонет
а по тем кого дома не похоронят
уж который век мои плачут гусли.

По безвестным беженцам, безымянным
зэкам, по солдатикам оловянными
плачу я в океан проливая слёзы.
Да воздастся идущим на смерть без славы
не семейной памятью не державой
но любовью которая движет звёзды”.

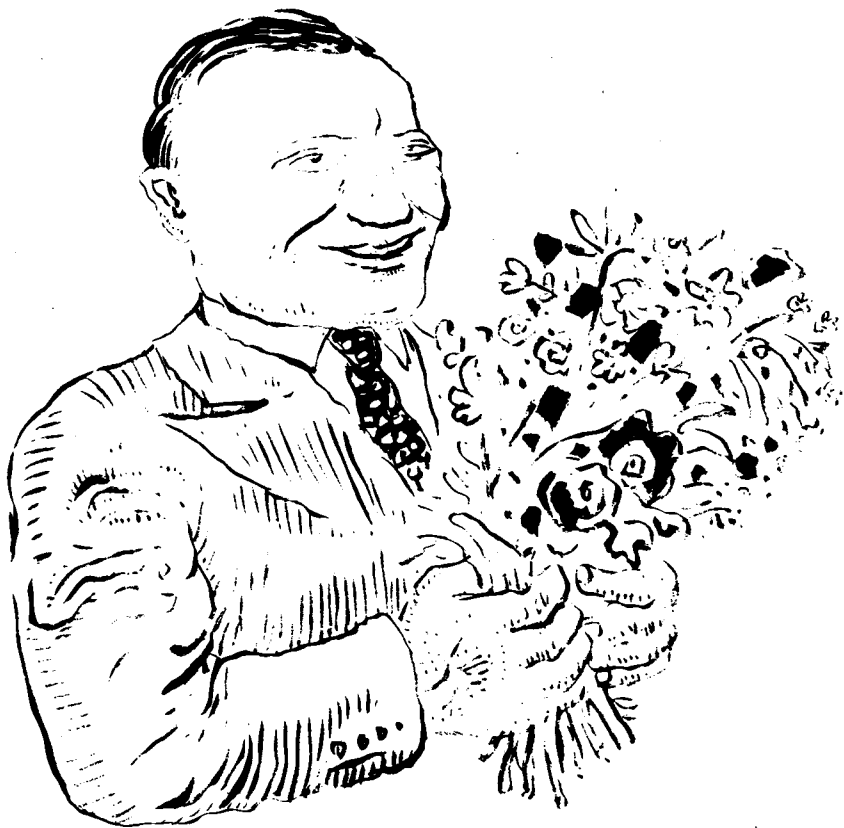
Тут Олег заряжает винтовку к бою
и взмахнувши шашкой над головою
на прощанье оружием блещет жарко.
Погибает от ран престарелый Ери
но на вёслах уже расстоянье мерит
малохольный семнадцатилетний Арка.

ЛОДКА

СЛУЧАЙ В ПУТИ

*У ней такая маленькая грудь,
и губы, губы алые, как маки.
Уходит капитан в далёкий путь
и помнит девушку из Нагасаки.*

*У ней следы проказы на руках —
войной татуированные знаки,
но вечерами джигу в кабаках
танцует девушка из Нагасаки.*

(фольк.)

За летучкой облаков сквозь подвижку в тучах
если выпадет на долю счастливый случай
виждь и внемли : что-то калейдоскопическое промчалось.
Кто сигналил там красне-синея симптоматично?
Это в США из ВПШ вылетает лично
межконтинентальный штурман Валерий Чкалов.

В мёртвых петлях наивысшего пилотажа
чем-то жирным вдруг ударило из дренажа.
По катастрофически зашкаливающей стрелке
уровня обледенения стало ясно :
если до полярки не хватит масла
неизбежно катапультирование, ergo

необходима немедленная посадка.
Но пилот транслирует : “Всё в порядке.
Самочувствие отличное. С тёплым ветром
наперегонки фланирую на Ванкувер.
Если кто-нибудь подумает что я умер
убедительно настаиваю : не верьте”.

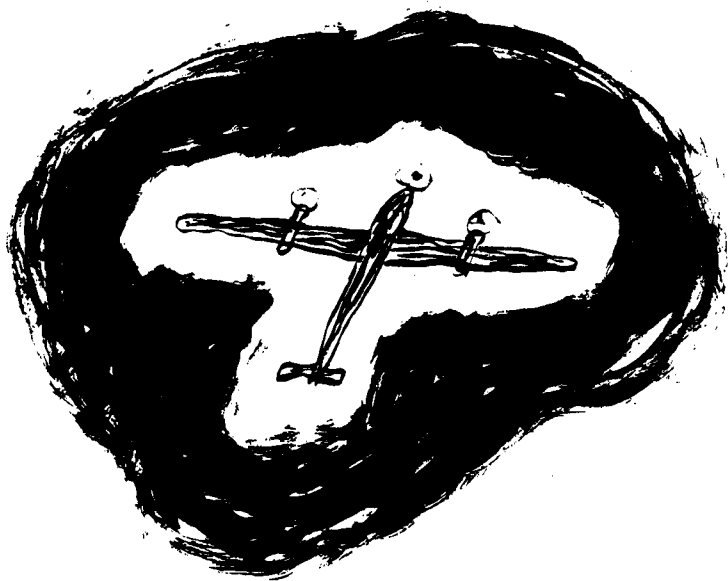
Долго коротко ли, сел он на некий остров
между льдистых ропаков и снежинок острых
о котором на randеву конфиденциальных
подозрительные слухи ползут : как будто
возвышается посередине уд там,
потому и дано ему “Удд” названье.

Взгляд настроив на обратную перспективу позабыв на миг отборную матерщину помогающую строить и жить, всмотревшись в даль времён локализованную во мраке, видит Чкалов обнажённую Нагасаки то есть голую воронку в горячем пепле.

В этом атомном ристалище под луною девушка татуированная войною посылая ему приветную методичку шепчет в прошлое из будущего : “Валерий, посмотри, у дяди Вани давно созрели в померанцевом саду молодые вишни.

Хризантемы и ямабуки не завянут пока в жизни проявляться не перестанут чувства преданного доверия и глубокой озабоченности, заинтересованного участия и сознательной ответственности за счастье, в просторечьи называемые любовью”.

В тот же миг оторвались ото льда колёса самолёт — от колёс, Чкалов — от самолёта. Так воздушный капитан в кислородной маске глубочайшего удовлетворения чувством движим выше высшего всё выше стремясь и выше завершил своё перемещение на Аляске.

САМОЛЕТ
АНТ-25

ДЕД И ВНУК

*С добрым утром тётя Хая,
Вам посылка из Шанхая,
а в посылке два китайца,
два китайца красят яйца.*

(фольк.)

Далеко деревня у тети Хаи.
Почтальон проснувшийся с петухами
по горам и долам свою посылку
тащит из безоблачного Шанхая
на ногах болезни перемогая
по утрам заглядывая в бутылку.

В той посылке два русских сидят китайца
и во мгле заколоченного пространства
в три погибели скрючившись на коленях
красят яйца в почтовой своей избушке.
А как первый из них — солцеликий Пушкин
а второй-то — премногообильный Ленин.

“Ты меня величавее, — первый спорит. —
Наш первоисточник, подобный морю,
из тебя мы исходим, к тебе приходим,
Да и что мы одни без тебя могли бы?
Ведь рабы не мы, мы не рабы, мы рыбы,
долопихтисы и крабы глубоководья.

То от скромности молчишь, то шумишь волнуясь.
То ты — выпад на рапире, а то, сутулясь,
вал за валом в океане заставишь гнаться,
у тебя под рукой и Дніпро и Лета
и в тебе почитает Большого Деда
резонатор души, черепаший панцирь”.

Отвечает второй : “Ты меня проворней.
Глубоко я в землю пускаю корни
ты же по мне бегаешь как синица.
Учишь всех во всём творить волю Божию
утром будишь людей вдохновенной дрожью
усыпляешь напевом – кому не спится.

Ты несёшь нам ремёсла несёшь науки
но всего нужнее нам чудо-звуки
из которых соткано твоё слово.
Много раз оно оправдывалось на деле.
Мы давно такого тебя хотели
мы всегда хотели тебя такого”.

Где пила как стрела и коралл у Клары,
во дворе дрова а вокруг кошмары
одинокое окошко во тьме желтеет –
это тётя Хая героев няня
прикрывая рукою свечное пламя
ждёт своих и от старости молодеет.

Говорит она : “Всё на круги вернётся.
Я умру, почтальон об меня споткнётся.
Муравьи улетают на юг и звери
предвещая конец голоса из боен
но почтовый ковчег потому спокоен
что кочует без адреса, будь уверен”.

HERNAN

КАБЫСДОШКИ

Ёлки-палки лес густой, где-то ходит парень
хоть и очень молодой но довольно старый –
так по жизни в дактилическом ритме вальса
продвигаются рабочие и крестьяне
с той поры как человеческими друзьями
украшается космическое пространство.

Тарарахнет занзивер или стукнет дятел :
звук бессмысленно-родной, он нам всем понятен –
так природа общается с человеком
на различных языках простота в которых
громким голосом молчит о её героях
белокурой Белке и рыжей Стрелке.

Жили-были две – ну как бы назвать их?– шавки
две малюсенькие моськи две шмакодывки.
“Вот, – сказали бы Вы, – звери себе как звери
вскачь гоняются за собственными хвостами”
и наверно в их движениях не узнали б
интеллектуально-оздоровительных упражнений.

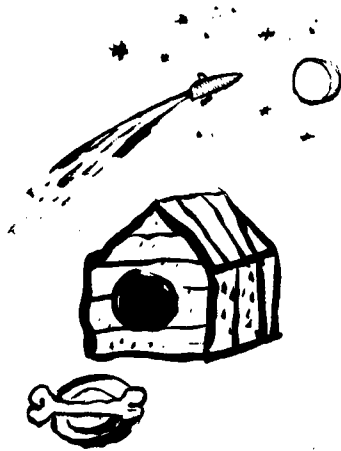
Между тем совершенствуясь раз от раза
в тренирующихся формировался разум
воля к тьяканию в слова претворяла звуки
так что скоро кабысдошки заговорили
и доверившись вполне реактивной силе
улететь из поднебесной решили суки.

Но сдавая в планетарий инструментарий
как могли они оставшихся назидали :
“Будьте бдительны не перенимайте опыт
у отъявленных смутьянов нередко пьяных :
человек произошёл не от обезьяны
тем же паче не от множащихся микробов.

Просто Ангел Бога по небу ночи
пролетел неся в объятьях земли кусочек
и кусочек тот остался укоренённым
в мире радостной печали где вполовину
слышны песни да и то через пуповину
как сказал бы о себе космонавт Леонов.

А еще бы он сказал : “Жизнь даётся людям
только раз и надо как-то пройти свой путь им
чтобы не было мучительно им и больно
ни за праздно проведенные дни и годы
ни за чувство безответственности в природе
за подопытных собак и тамбовских волков”.

Тут охваченные все непреступным светом
с комсомольским огоньком и физкультуриветом
Стрелка с Белкою почти как Енох с Ильёю,
улетевшие на огненной колеснице,
по доподлинным свидетельствам очевидцев
стартовали над взволнованною землёю.

ЯЛТА

*С чего начинается родина?
С заветной скамьи у ворот,
с той самой берёзки, что во поле,
под ветром склоняясь, растёт,*

*а может, она начинается
с весенней запевки скворца
и с этой дороги просёлочной,
которой не видно конца?*

*С чего начинается родина?
С окошек горящих вдали,
со старой отцовской будёновки,
что где-то в шкафу мы нашли,*

*а может, она начинается
со стука вагонных колес
и с клятвы, которую в юности
ты ей в своем сердце принес?*

(Муз. Баснера, сл. Матусовского)

Солнце и луна и луна и звёзды
звёзды в вышине а под ними вёрсты
вёрсты и века и века и вёрсты
и века, но через годы и расстоянья
песне ты не скажешь ни “до свиданья”
ни “прощай” потому что она поётся.

Раз поспорили в Ялте американец
англичанин и русский протоиранец
о конкретном начале начал : с чего же
начинается родина, в самом деле?
Все мы вышли из гоголевской шинели
но шинель ведь откуда-то вышла тоже...

Мир делил американец на злак и плевел
на животных и людей на дрова и мебель.
Там в шкафу времён народного ополченья
он источник всякой родины обнаружил
в виде шапки закрывающей лоб и уши
со звездой стратегического значенья.

Англичанин вывел родину из тумана
вынул счёты из внутреннего кармана
и извлёк из неё корень всего живого
в качестве весенней скворца запевки
отчего все каракатицы и креветки
окопались у прибой берегового.

Только русский ничего не делил не мерил
но в святую простоту свою слепо верил
и поэтому он сразу же догадался :
родина начинается на кровати
с родинки на правом плече у Кати
за которой ещё не пришли Двенадцать.

В этой родинке коричневой и невзрачной
неприметная земля и зенит прозрачный :
там находится просторная мастерская
из которой два соц-артиста-дезертира
нам кистями говорят о разделе мира :
как поспорили в Ялте американец

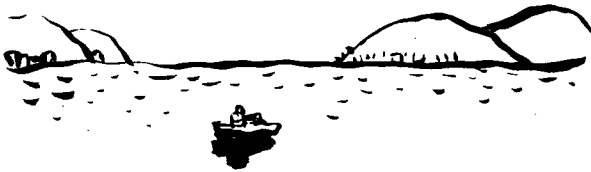
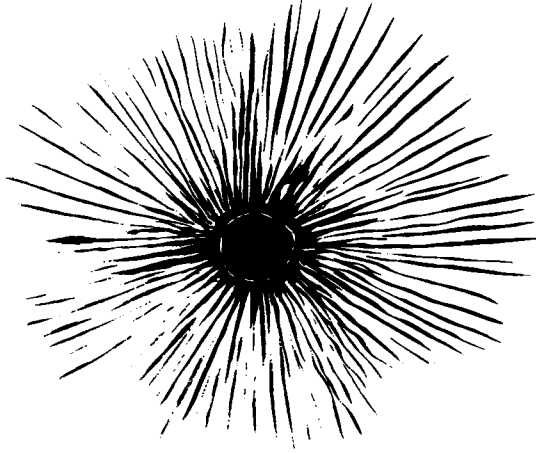
англичанин и русский о самом главном
и о Кате Арнольд на бюро пленарном.
Потому-то вещей Комар круги сужает
над пришедшими с оружием разбираться
и уходят восвояси ни с чем Двенадцать
и вослед им Меламид, как всегда, читает :

“Берешит бара Элоким, — читает, —
эт ха шамайм вэт ха арэц, — не забывает, —
вэ ха арэц хайета тоху вавоху
вэ хоших аль пнэй тэхом
вэ руах Элоким мэрахэфет аль пнэй ха майм
вайомер Элоким йэхи ор вайхи ор”. *

---

* Быт. 1.1-3

MOPE

ХОДОКИ

*Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
что ж ты девушкам спать не даёшь?*

*(Муз. Мокроусова,
сл. Исаковского)*

Нет ни бедных ни богатых ни родовитых
в пух и прах разбитых но недобитых
ни безродных почему-то всегда голодных
нет бесславных и прославленных тоже нету
пока ходят-бродят по белу свету
записные ходоки из глубин народных.

Что им надо за калиткой родного сада
и каких они избирателей делегаты?
Сердце просится обратно а ноги сами
в Кремль торопятся на форум составить кворум
за который голосуют холмы и горы
тихоструйными и широкошумными голосами.

Там в Кремле от волнения ломая шапки
ходоки отгадывают загадки
а загадки те как правило непростые
потому что это видно и без ходулей :
как они разгадаются так и будет
в обозримой исторической перспективе.

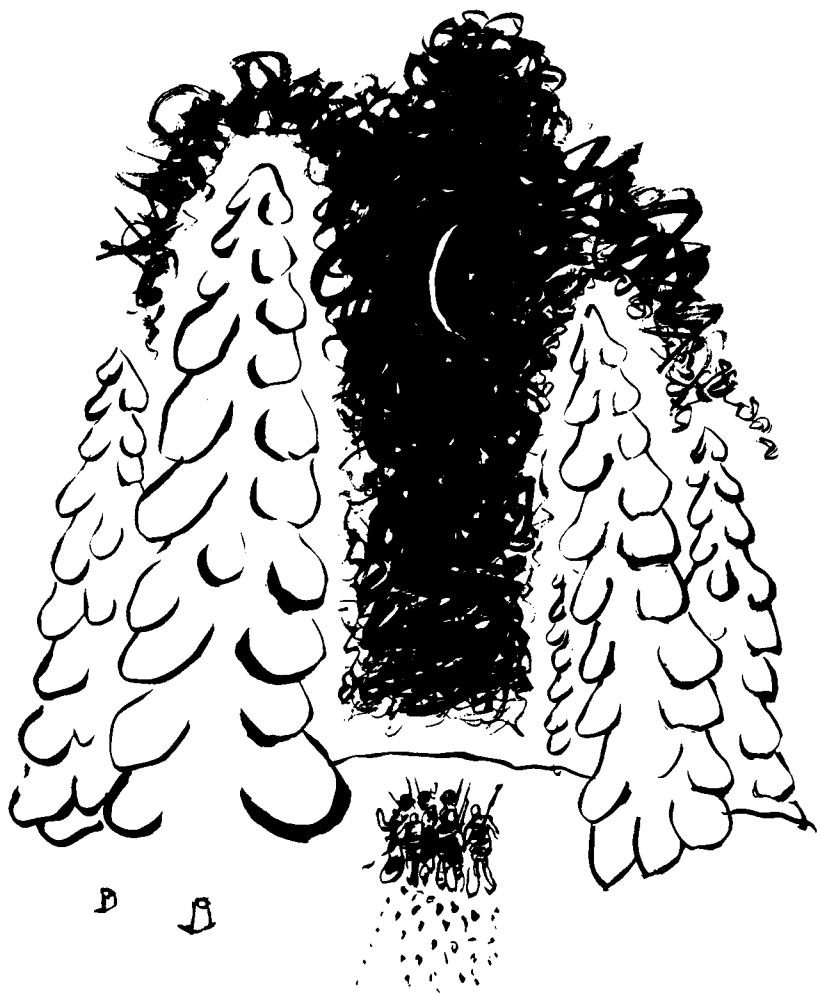
Что такое : по Европе бредёт качаясь,
у гуляющих зевак вызывая зависть,
грудь в медалях, из зениц вылетают искры?
Одним словом, кто виноват в недоразуменьях?
И не зная куда спрятаться от смущенья
потоптавшись ходоки отвечают : “Призрак

коммунизма к нам идёт по ночной Европе
через минные поля блиндажи и ДОТы.
Всё он девушкам уснуть не даёт а спящим
в сон врываясь будоражащей слух гармонью
сообщает предрассветный заряд здоровья
чтобы мнимое не казалось им настоящим”.

И чем ближе тем увереннее и чище
отзываются в пространстве его шажищи.
“За каким же ты скрываешься поворотом
одиноким приветствуя наш консенсус?”
Но всегда издалека отвечая песней
он заранее подводит итог итогам :

“Долго тяжкие в изгнанье носил я цепи
забывая в трудоднях о воде и хлебе,
долго горбился в предгорьях Акатуя
до тех пор пока цепляясь за мхи и ягель
я не выполз на свободу покинув лагерь
и теперь не останавливаясь иду я

переплыв через Байкал в омулёвой бочке
через ямы и холмы через рвы и кочки
к вам на встречу в приснопамятную отчизну
чтобы там соединиться в небесной сени
если мы доковыляем хоть на коленях
до какого бы то ни было коммунизма”.

СТРАШНО
В ЛЕСУ

*Постой, паровоз, не спешите, колеса,
кондуктор, нажми на тормоза.
Я к маменьке родной с последним приветом
спешу показаться на глаза.*

*Не жди меня, мама, хорошего сына.
Твой сын не такой, как был вчера :
меня засосала опасная трясина,
и жизнь моя — вечная игра...*

(фольк.)

Темпо! Темпо! Фортиссимо! Аллегретто!
Партитуры контрапунктированы, либретто документировано в соответствии с хроникально-достоверными свидетельствами эпохи.
Мейстер Глинка в предоперной суматохе акт за актом перечитывает детально :

В Закарпатье на границе великой бездны тучи хмуры, упования неуместны край еловый тишиною объят суровой. 3 танкиста в отдалении пьют по 300, в Отделении шмонает контрабандистов сам Сусанин под аккомпанемент щипковых.

Ист от Веста надёжно предохраняя на расхлябанных гатях родного края он берёт на себя функцию мясорубки то есть фильтра пропускающего снаружи только тех кто действительно очень нужен с точки зрения таможенной караулки.

Но однажды отправляясь топить поляков заблудившихся в лесу по дороге в Краков он претерпевает метаморфозу солидаризации с их народом и за всеми по следам уходя в болото сокрушается в решительном ариозо :

**“Машинист, притормози! Вы куда, колёса?
Стой, кондуктор... Хоть минувшее не вернётся
а грядущее час от часу нам рисует
всё мрачней и напряжёнее перспективы
я не волен отрываться от коллектива
потому что он сознание формирует.**

**Отправляйтесь по ж.д. до её конечной.
Там увидите избушку, в избушке – печку,
на печи лежит Сусанна – ей сообщите
что до некоторого времени её сына
засосала испытательная трясина :
из него уже не вырастет долгожитель”.**

**В этом месте композитор оставил чтение
и отправился просить у людей прощенья.
На широких площадях и в глуши урочищ
так никто бы и не вспомнил его стаккато
если б как-то раз перейдя Карпаты
он не выговорил : “Чёрт побери!” (короче –**

**“ЧОП”). С тех пор и называется этот узел
пересадочных путей в воронки-маруси
просто ЧОПом, и по-глинковски покаянно
здесь гудят локомотивы на фа-миноре
унося дорожно-транспортных ревизоров
мимо места где покоится сын Сусанны.**

ПОЮЩАЯ АРИЮ

ПРОРОЧЕСТВО ПАПАНИНА

ПАПАНИН

Где кричи-не кричи а в ответ – ни слова
где земля донельзя белоголова
где никто не лает а ветер носит
там дрейфует великая льдина века
но не слышно Папанина из-под снега :
он кричит и скоро обезголосит.

Крик его мгновенно затвердевает
и в таком состоянии пребывает
в атмосферном слое за облаками
до тех пор пока, вниз не сойдя на юге,
он не переплавится в те же звуки
что взопли над северными снегами.

Крик полярника ходит дождём по полю
поражая нас запахом алкоголя.
Это значит – на севере мрак и вьюга
то есть люди согреваются под сугробом,
сберегая силы, и перед гробом
шутками поддерживают друг друга.

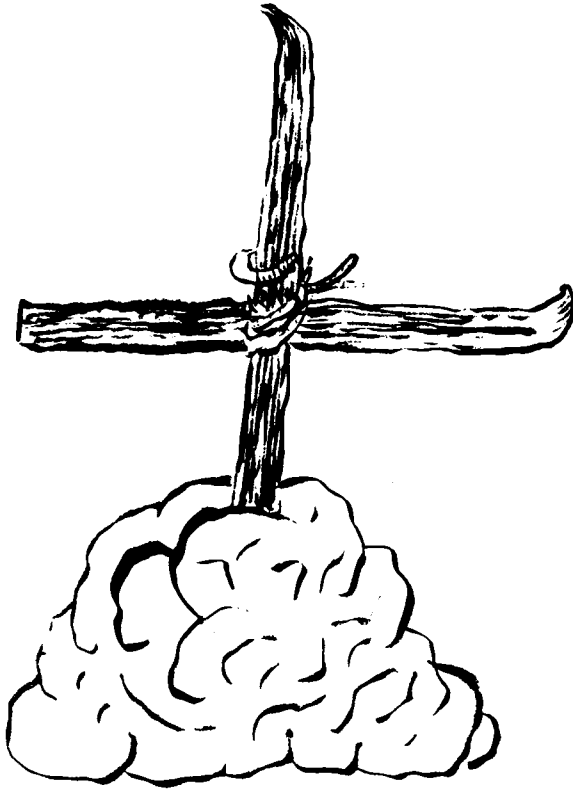
Мужество Папанина бьёт пшеницу
зверя разгоняет, пугает птицу
и в земле совершая круговорот свой
проникает лучами в любое сердце
находя в прохожем единовеца
ободряя в бедности и сиротстве :

**“Мир вам из далёкого заполярья!
Сам себе хозяин теперь и царь я.
Озирая вселенную говорю вам :
есть свобода высшая в поднебесной
не достать её с неба когтём железным
не разбить на части свинцовым клювом.**

**Выполняя задание Главморштаба
я уполномочен уже хотя бы
потому замерзать на бескрайней льдине
что народ мне как родителю доверяет
всё прощает за это и позволяет
проповедовать истину во Едином.**

**Отто Юльевич, зная судьбу людскую
ничего Вам нового не скажу я.
Только партии и правительству передайте :
кровью станет луна, и небесный свиток
принесёт невиданный им убыток
ныне и во веки веков. Прощайте”.**

**Слушают его города и сёла,
дети замирают идя из школы,
в Яке Водопьянов ушам не верит :
всюду раздаётся могучий голос
и пока человек покоряет полюс
винт мотора в небе пространство мелет.**

МОГИЛА В
СНЕГУ

ЛАЗО

*Бьётся в тесной печурке Лазо.
На поленьях смола, как слеза...*

(фольк.)

Там где груши-яблони расцветают
где орловы письма оберегает
с панталыку сбившаяся Катюша
за семью горами семью долами
баргузин пошевеливает валами
но уже ничью не тревожит душу

песнь соловья-пташечки-канарейки
потому что в простреленной телогрейке
жалобно кричит из печурки тесной
рененный герой своего народа
и сочувственно вторит ему природа
все земные твари и хор небесный.

Все земные твари : “Лазо, когда бы
в человеке прорезался голос жабы
это был бы голос патриотизма :
мимикрия на низшей ступени видов —
то же что для множества индивидов
говорок отечества, глас отчизны.

Ты кричишь настойчиво как младенец
и поэтому, великий приспособленец,
в колыбельке узкой под стать герою
вечно оставайся призывом к свету
и живым примером свою победу
подтверждай в долине и над горою”.

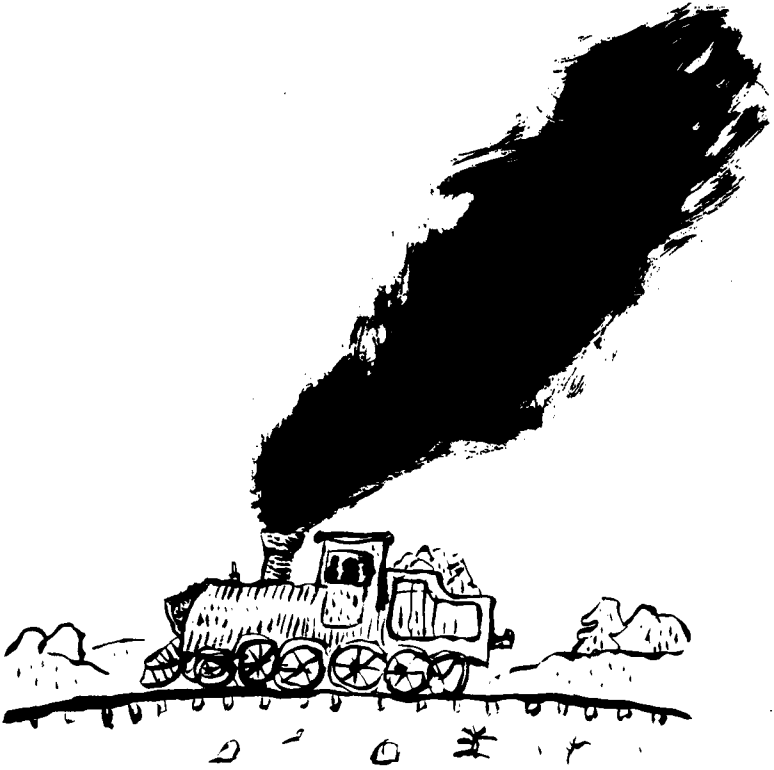
Говорит природа : “Лазо, ты спятил.
Ты кому угодил и кому нагадил?
Я тебя произвела дурака такого –
как ты обращаешься с поднебесной?
Где найду в себе я пустое место
для тебя ни мёртвого ни живого?”

Догорай уж как-нибудь если сможешь
всё равно тебе уже не поможешь.
Тонким прахом тело твоё развею
в посрамленье злобствующим японцам
обеспечу место тебе под солнцем
и на нём пропащего пожалею”.

Хор небесный : “Серёжа, твои страдания
потрясли до основания мирозданье.
Каждый по герою проливший слёзы
пусть узнает заранее что спасётся
а у нас заступничество найдётся
для тебя с гармошкой и паровозом”.

Ничего Лазо им не отвечает
только дым из топки труба качает
да поёт гармоника через вьюгу
о поленьях смола как слеза в которых
накипая струится в родных просторах
про огонь дорогу и про подругу.

ИХ БЫЛО 26

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

Во сентябрьских песках под покровом ночи
где лежащие камни ничто не точит
даже змеи докуда не доползают
только ветер гуляет да ходят смерчи
да чернеют в лучах прикаспийской смерти
пустыри которые не спасают.

На открытом пространстве без дна и крышки
где ни радиослова ни фотовспышки
сотворили застрельщики злое дело
дело скользкое английское непростое
дело тайное дремучее и густое
черное как полночью кровь из тела.

Был там Зевин с начальником Шаумяном
смелый Солнцев и Габышев с Амиряном
Николайшвили которому не померкнуть
Джапаридзе с Метаксою чернобровым
Костандян с Петровым, на всё готовым,
Мишне с Авакяном, Малыгин с Бергом

были Осемян там и Фиолетов
исполнители мужественных заветов
были Азизбеков и пылкий Басин
с братьями Богдановыми Везиров
Коганов Полухин Борян Амиров
и герой Корганов, на вид прекрасен.

Солнце всходит над Каспием как и прежде
не внушая ни ужаса ни надежды.
Великана растущего в лилипуте
лилипута дрожащего в великане
Каракумы затягивают песками.
Ничего здесь не будет и не убудет.

Только слышен напев горловой и древний
да светило входя в раскаленный кремний
белит волосы местному уроженцу
золотя его лоб, как огонь, горячий
губы говорящие, взгляд незрячий,
пенье красного цвета как кровь из сердца.

Пал там Зевин с начальником Шаумяном
смелый Солнцев и Габышев с Амиряном
Николайшвили которому не померкнуть
Джапаридзе с Метаксою чернобровым
Костандян с Петровым, на всё готовым,
Мишне с Авакяном, Малыгин с Бергом

пали Осемян там и Фиолетов
исполнители мужественных заветов
пали Азизбеков и пылкий Басин
с братьями Богдановыми Везиров
Коганов Полухин Борян Амиров
и герой Корганов, навек прекрасен.

